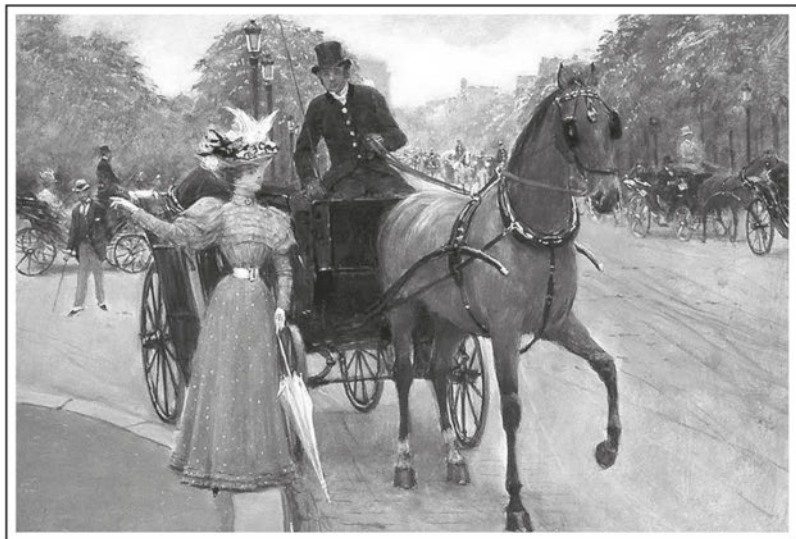

Графиня Калиостро

Глава 1

АРСЕНУ ЛЮПЕНУ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Рауль д'Андреззи выключил фонарик и оставил велосипед за насыпью, поросшей густым кустарником. На колокольне Бенувиля как раз пробило три часа.

В густой темноте он шел по проселочной дороге, ведущей в поместье Этиговы Плетни, и вскоре оказался у стен замка. Там он немного подождал. Внезапно раздался звон лошадиных подков, скрип колес по мощеному двору и звяканье колокольчиков; ворота распахнулись, и из них показался шарабан. Рауль успел расслышать мужские голоса и мельком заметить ружейный ствол. Экипаж меж тем уже выехал на главную дорогу и направился в сторону Этрета¹.

¹ *Этрета* — город на побережье Ла-Манша, известный своими живописными прибрежными скалами, образующими многочисленные природные арки. — *Здесь и далее примеч. перев.*

«Положим, — подумал он, — охота на кайру — занятие увлекательное, а скалы, где водятся эти птицы, далеко... и все-таки хотелось бы узнать, что означает сей неожиданный охотничий выезд и прочая суэта».

Рауль пошел вдоль левой стены замка, свернул за один угол... за второй... Отсчитал сорок шагов. В руке у него были два ключа. Первым он отпер низкую дверцу и поднялся по внутренней лестнице, вырубленной в старой, полуразрушенной крепостной стене, которая примыкала к крылу замка. Другой ключ открыл ему потайной вход на втором этаже.

Он включил карманный фонарик и, не особенно таясь — зная, что прислуга занимает другое крыло, а Кларисса д'Этиг, единственная дочь барона, живет на третьем этаже, — прошел по коридору, который привел его в обширный кабинет: здесь несколькими неделями ранее Рауль просил у барона руки его дочери и получил гневную отповедь, оставившую по себе весьма неприятный осадок.

В зеркале отразилось его юное лицо — более бледное, чем обычно. Однако, несмотря на волнение, молодой человек не потерял самообладания и хладнокровно принялся за дело.

Оно было нетрудным. Во время своего недавнего разговора с бароном Рауль заметил, что его собеседник частенько украдкой посматривал на большой секретер красного дерева, крышка которого была опущена не до конца. Рауль отлично знал, к каким хитростям прибегают те, кто устраивает тайники в подобных секретерах. Через минуту он извлек из едва заметной щели письмо, написанное на тончайшей бумаге и свернутое в трубочку. На нем не было ни подписи, ни адреса.

Он изучил это послание, смысл которого поначалу показался ему слишком незначительным, если учесть, с какой тщательностью оно было спрятано; но затем, проведя кропотливый анализ, выделив наиболее значимые слова и опустив некоторые фразы, явно предназначенные лишь для связности изложения, он смог восстановить первоначальный текст, который гласил:

Я обнаружил следы нашего врага, этой дьяволицы, в Руане и поместил в тамошние газеты объявление о том, что некий крестьянин из Этрета откопал на своем лугу старинный мед-

ный канделябр с семью рожками. Она тут же телеграфировала агенту по перевозкам, чтобы ей доставили кабриолет на феканский¹ вокзал двенадцатого числа в три часа дня. Я распорядился, чтобы утром того же дня агент получил другую телеграмму, отменяющую первую. Таким образом, на вокзале она сядет в Ваш экипаж, который отвезет ее (разумеется, под хорошей охраной) туда, где будет проходить наше собрание.

И тогда мы сможем устроить суд и вынести ей суровый приговор. Во времена, когда цель оправдывала средства, наказание последовало бы незамедлительно. Мертвый враг неопасен. Принимайте решение сами, но хочу напомнить о договоренностях, достигнутых во время последней встречи, и предупредить, что успех нашего дела и даже само наше существование зависят от этого дьявольского создания.

Будьте осторожны. Организуйте охотничий выезд, чтобы рассеять подозрения. Я прибуду в Гавр ровно в четыре часа вместе с двумя нашими друзьями. Не уничтожайте это письмо. Вы мне его вернете.

«Излишняя осторожность — тоже недостаток, — подумал Рауль. — Если бы неизвестный автор не был столь опаслив, барон сжег бы письмо и я никогда не узнал бы о том, что существует план похищения, незаконного суда и даже — да простит меня Господь! — смертного приговора. Проклятие! Представляется мне, что мой будущий тесть, хоть он и набожен, ввязался в авантюру, неподобающую доброму католику. Пойдет ли он на убийство? Все это очень серьезно и дает мне шанс повлиять на него».

Рауль потерял руки. Дело обещало быть интересным, но, пожалуй, не вызывало особого удивления, ибо некоторые обстоятельства уже несколько дней назад показались ему странными. Он решил переночевать на постоялом дворе, а в нужное время вернуться и разузнать, что замышляют барон и его гости и что это за «дьявольское создание», которое им так не терпится казнить.

Он вернул документ на место, однако же не ушел, а уселся перед круглым столиком, на котором стояла фотография Клариссы в рамке, и с глубокой нежностью принялся ее разглядыв-

¹ Фекан — город в Нормандии.

вать. Клариссе д'Этиг исполнилось восемнадцать — она была чуть моложе его. Чувственные губы... мечтательный взгляд... нежно-розовая кожа... светлые волосы — такие же, как у большинства юных уроженков Ко...¹ Это лицо так пленяло его, что он не мог отвести от него взор.

Рауля охватило волнение. Далекие от целомудрия мысли завладели юношей помимо его воли. Там, наверху, Кларисса была совершенно одна, и уже дважды, пользуясь ключом, который она сама же ему доверила, он приходил к ней во время чая. Так что же останавливало его сегодня? Никакой звук не мог достичь ушей прислуги. Барон вернется не раньше завтрашнего вечера. Зачем же уходить?

Рауль вовсе не был ловеласом. Порядочность и деликатность боролись в его душе со страстями, силу которых он не раз испытал. Но как устоять перед таким искушением? Гордость, любовь, властная потребность побеждать подталкивали его к действию. Отбросив бесплодные сомнения, он стремительно поднялся по ступенькам лестницы.

Перед закрытой дверью юноша в нерешительности остановился. Ему уже случалось переступать этот порог, но то было посреди бела дня и не нарушало правил учтивости. А в этот поздний час его появление приобретало совершенно иной смысл!

Однако душевные терзания продолжались недолго. Он тихонько постучал в дверь и прошептал:

— Кларисса... Кларисса... Это я.

Подождав минуту и не услышав ни звука, он уже собрался постучать сильнее, как вдруг дверь будуара приоткрылась и из него вышла молодая девушка с лампой в руке.

Он заметил ее бледность и страх и был так ошеломлен, что попятился, готовый немедленно уйти.

— Не сердись, Кларисса... Это сильнее меня... Скажи только слово, и я исчезну...

Если бы Кларисса услышала его слова, увидела его смирение, она бы воспрянула духом. Но сейчас она была не в состоянии ни видеть, ни слышать. Девушка хотела возмутиться, но смогла лишь пролепетать невнятные упреки. Хотела прогнать его, но не смогла поднять ослабевшие руки. Пальцы ее так дрожали, что ей при-

¹ Ко — область в Нормандии.

шлось поставить лампу. Она пошатнулась и упала, потеряв сознание...

Молодые люди любили друг друга уже три месяца, с того самого дня, как встретились на юге, где Кларисса гостила у подружки по пансиону.

Они сразу же ощутили взаимное притяжение, и если для него это чувство было сладостнее всего в мире, то для нее оно стало знаком неволи, которой она с каждым днем дорожила все больше. С первой минуты Рауль казался ей неким непостижимым и таинственным существом, которого она никогда до конца не разгадает. Его приступы легкомыслия, злая ирония, тревожные настроения порой приводили ее в отчаяние. Но до чего же обаятельным он бывал! Как искрился весельем! Как прекрасны были его всплески энтузиазма и юношеского восторга! Все недостатки Рауля казались продолжением его исключительных достоинств, а изъяны — добродетелями, которые просто еще не полностью раскрылись.

Однажды утром, после своего возвращения в Нормандию, Кларисса с изумлением увидела изящного молодого человека, который сидел на крепостной стене, устремив взгляд на ее окна. Рауль поселился на постоялом дворе в нескольких километрах от замка и чуть ли не ежедневно приезжал на велосипеде, чтобы повидаться с ней вблизи Этиговых Плетней. Рано лишившись матери, Кларисса не была счастлива со своим отцом — человеком суровым, мрачным, алчным, чрезмерно набожным, кичившимся своим титулом да вдобавок еще и ненавидимым собственными фермерами. Когда Рауль, не будучи представлен ему по всей форме, осмелился попросить руки его дочери, барон пришел в такое бешенство от дерзости этого желторотого юнца без положения и связей, что немедленно выгнал бы его вшаей, если бы только юноша не смотрел на него так, как смотрит укротитель на свирепого зверя.

Именно после этого злосчастного визита, а также надеясь стереть воспоминание о нем из памяти Рауля, Кларисса дважды совершила ошибку, открыв ему дверь своего будуара. Опасное безрассудство, которым и воспользовался влюбленный юноша.

В то утро, пока Рауль прятался в соседней комнате, Кларисса, сославшись на недомогание, попросила принести обед в ее покои. А потом они долго сидели у открытого окна — нежно об-

нявшись, еще помня сладость недавних поцелуев... и, несмотря на свое грехопадение, безгрешные.

И однако, Кларисса не могла сдержать слез...

Шли часы. Свежий ветер с моря летел над равниной и ласкал их лица. Перед ними, в низине, за большим, обнесенным оградой садом, раскинулись поля, сияющие солнечно-желтым рапсом; справа тянулся до самого Фекана белый контур высоких скал, а слева виднелись залив Этрета, Порт-д'Эваль и острие огромной скалы Игла Бельваль.

Он тихо произнес:

— Не грусти, любимая. В нашем возрасте жизнь так прекрасна, и она станет еще прекраснее, когда мы устраним все препятствия! Не плачь.

Кларисса утерла слезы и, взглянув на него, попыталась улыбнуться. Рауль был так же строен, как она, но широк в плечах — изящный и сильный одновременно. На энергичном лице сияла лукавая улыбка и искрились весельем глаза. Бриджи и куртка, под которой виднелось белое шерстяное трико, подчеркивали необыкновенную гибкость его тела.

— Рауль, Рауль, — сказала Кларисса печально, — даже сейчас, когда вы смотрите на меня, ваши мысли далеко! Вы больше не думаете обо мне после того, что произошло между нами! Как такое возможно? О чем вы размышляете, Рауль?

Смеясь, он ответил:

— О вашем отце.

— О моем отце?

— Да, о бароне д'Этиге и его гостях. Как господа такого почтенного возраста могут тратить время на убийство в скалах бедных невинных птиц?

— Это просто развлечение.

— Вы уверены? А я, признаться, заинтригован. Послушайте, я бы поверил в это, если бы на дворе не стоял славный тысяча восемьсот девяносто четвертый год... Вы не обидитесь?

— Говорите, друг мой.

— Так вот, кажется, они играют в заговорщиков! Да, уверяю вас, Кларисса... Маркиз де Рольвиль, Матье де ла Вопальер, граф Оскар де Беннето, Ру д'Эстье — все эти знатные господа из Ко находятся в сговоре.

Она нахмурилась:

— Вы говорите глупости, друг мой.

— Но вы слушаете меня с таким очаровательным видом, — ответил Рауль, убежденный, что она ничего об этом не знает. — И смóтрите на меня в ожидании, что сейчас я расскажу вам нечто важное!..

— Нечто важное о любви, Рауль.

Он порывисто обхватил ее голову:

— Вся моя жизнь — это любовь к тебе, драгоценная моя. Если передо мной возникла задача и я жажду ее разрешить, то лишь ради того, чтобы добиться твоей руки; Кларисса, представь только: твой отец — заговорщик, он арестован и приговорен к смерти, но вдруг появляюсь я и спасаю его. Разве после этого он может не позволить нам пожениться?

— Он сдастся рано или поздно, друг мой.

— Никогда! Нет ни единого шанса... и неоткуда ждать помощи...

— У вас есть ваше имя... Рауль д'Андрези.

— И даже этого у меня нет!

— Как это — нет?

— Д'Андрези — девичья фамилия моей матери, которую она вернула себе после смерти отца по требованию своей семьи, возмущенной ее браком.

— Почему? — спросила Кларисса, несколько ошеломленная этим признанием.

— Почему? Потому что мой отец не мог похвастаться знатным происхождением и был беден, как Иов... Простой учитель... и учитель чего? Гимнастики, фехтования и бокса!

— Каково же ваше настоящее имя?

— Ах, оно самое заурядное, бедная моя Кларисса.

— Какое именно?

— Арсен Люпен.

— Арсен Люпен?

— Оно совсем не звучное, и его стоило поменять, вы согласны?

Кларисса была потрясена. Какое имя он носил, для нее не имело значения. Но в глазах барона частица «де» перед фамилией была первейшим достоинством будущего зятя...

Однако она тихо сказала:

— Вам не следовало отречься от своего отца. Нет ничего постыдного в профессии учителя.

— Ничего постыдного, — согласился Рауль, смеясь, и этот смех причинил боль Клариссе, — и признаюсь, что я нагло воспользовался уроками бокса и гимнастики, которые он давал мне, когда я был еще ребенком! Но моя мать могла иметь и другие причины, чтобы отречься от этого превосходного человека, а они уж точно никого не касаются.

Рауль порывисто обнял ее, а потом начал танцевать и кружиться. Наконец, повернувшись к Клариссе, он воскликнул:

— Ну, смейся же, девочка моя! Это же невероятно смешно. Рауль д'Андрези или Арсен Люпен — какая разница! Главное, добиться успеха. И я добьюсь его, вот увидишь! Ни минуты в этом не сомневаюсь! Все гадалки обещали мне великое будущее и мировую славу. Рауль д'Андрези станет генералом, министром или послом... А может, все это ждет Арсена Люпена. Такие вещи решаются с участием Провидения и по соглашению обеих сторон. Я готов. Стальные мускулы и мощный ум! Хочешь, я пройду колесом? Или пронесу тебя на вытянутых руках? А может, ты предпочитаешь, чтобы я незаметно снял с тебя часы? Почитал наизусть Гомера на древнегреческом или Мильтона на английском? Боже, как прекрасна жизнь! Рауль д'Андрези... Арсен Люпен... Гений о двух ликах! Который из них покроет себя славой, этим солнцем всех живущих?

Внезапно Рауль умолк. Его словно бы смутил этот всплеск ликования. Взгляд юноши задумчиво скользил по маленькой комнате, тишину которой он сейчас нарушил; он подумал о том, что точно так же нарушил душевный покой Клариссы, и, в порыве раскаяния опустившись перед девушкой на колени, проникновенно сказал:

— Прости меня. Я поступил дурно, мне не следовало приходить... Но это не моя вина... Я изо всех сил пытаюсь обрести равновесие. Добро и зло одинаково притягивают меня. Ты должна мне помочь выбрать путь, Кларисса, и простить меня, если совершаю ошибки.

Она страстно обвила руками его шею и ответила:

— Мне не за что прощать тебя, любимый. Я счастлива. Ты принесешь мне много страданий, в этом я уверена, но я заранее

и с радостью их принимаю. Вот, возьми мою фотографию. И поступай так, чтобы тебе никогда не пришлось краснеть, глядя на нее. Что до меня, то я всегда буду такой же, как сегодня: твоей возлюбленной и твоей женой. Я люблю тебя, Рауль!

Она поцеловала его в лоб. Он засмеялся и сказал, вставая с колен:

— Ты посвятила меня в рыцари. Отныне я непобедим и готов разить моих врагов. А ну выходите, наваррцы! Я жду вас!¹

План Рауля — оставим пока в стороне имя Арсена Люпена, потому что в то время, не подозревая о своей грядущей судьбе, он сам относился к нему с некоторым презрением, — так вот, план Рауля был очень прост. С левой стороны замка к крепостной стене вплотную примыкала низкая, с полуразрушенной кровлей, башня, являвшаяся когда-то частью оборонительного бастиона, а теперь едва различимая под волнами густого плюща. Рауль ничуть не сомневался, что собрание, назначенное на четыре часа, будет проходить в большом зале в глубине замка, где барон всегда принимал своих фермеров. Кроме того, он обратил внимание на узенькое оконце в башне, вероятно служившее раньше вентиляционным отверстием, из которого открывался обзор на деревню.

Подобраться поближе к залу — несложная задача для такого спортсмена! Выйдя из замка, Рауль незаметно прополз по земле под плющом и вскарабкался по его мощным корням к пробитому в толстой стене оконцу; его амбразура оказалась достаточно глубокой, и Раулю удалось ничком вытянуться в ней во весь рост. Таким образом, находясь на высоте пять метров и укрытый плющом, он оставался полностью невидимым; ему же был открыт весь зал — обширное помещение с двумя десятками стульев, столом и широкой церковной скамьей.

Спустя сорок минут в зале появился барон с одним из своих друзей: Рауль не ошибся в своих предположениях. У барона Годфруа д'Этига, обладателя мускулатуры ярмарочного борца, была багровая физиономия, окаймленная рыжей бородкой, и пронзительные живые глаза. Его спутник, Оскар де Беннето, которого Рауль знал в лицо, приходился барону кузенком и тоже выглядел как мелкий нормандский дворянин, только более неповоротливый и вульгарный. Сейчас оба казались сильно взволнованными.

¹ Неточная цитата из трагедии П. Корнеля «Сид».

— Уже скоро! — произнес барон. — Сюда вот-вот придут ла Вопальер, Рольвиль и д'Оппегар, а Боманьян вместе с принцем Аркольским и де Бри придут в четыре... я открыл для них садовые ворота... ну а потом... потом появится она, если, даст бог, попадет в расставленные сети.

— Сомневаюсь, — пробормотал де Беннето.

— Почему же? Она велела прислать за ней кабриолет. Кабриолет подъезжает, она в него садится. Д'Ормон под видом кучера везет ее к нам. У Кот-де-Катр-Шеман наш Ру д'Эстье прыгает на подножку, открывает дверцу, хватает даму, и они вдвоем ее связывают. Все донельзя просто.

Они приблизились к месту, которое находилось непосредственно под Раулем.

Беннето прошептал:

— А потом?

— А потом я объясняю нашим друзьям сложившееся положение, объясняю роль этой женщины...

— И ты полагаешь, что они согласятся ее приговорить?

— Согласятся они или нет, результат будет тот же самый. Этого требует Боманьян, как мы можем ему отказать?

— Ах, — воскликнул де Беннето, — этот человек всех нас погубит!

Барон д'Этиг пожал плечами:

— Чтобы бороться с такой женщиной, как она, нужен такой человек, как он. Ты все подготовил?

— Да, на берегу напротив Лестницы Кюре ждут две лодки. В той, что поменьше, проделано отверстие, она затонет через десять минут после того, как ее спустят на воду.

— Ты положил в нее камень?

— Да, булыжник с дырой посередине, через которую мы проденем веревку.

Оба умолкли.

Ни одно слово не ускользнуло от внимания Рауля д'Андрези, и каждое из них все сильнее возбуждало его страстный интерес.

«Черт возьми! — подумал он. — Это место в райке я не отдал бы ни за какие сокровища! Ай да молодцы! Они говорят об убийстве как о чем-то будничном — вроде смены воротничка!»

Особенно его поразил Годфруа д'Этиг. Как нежная Кларисса могла быть дочерью столь темной личности? Какую цель он пре-

следовал? Какие гнусные мотивы им руководили? Ненависть, алчность, жажда мести, врожденная жестокость? Он напоминал палача прежних времен, готового к кровавой службе. Пламя свечи освещало его багровое лицо и рыжую бороду.

В зал вошли еще трое. Рауль признал в них друзей барона, постоянно бывавших в Этиговых Плетнях. Они сели спиной к двум окнам, освещавшим зал, так что их лица оказались в тени.

Ровно в четыре часа появились два новых гостя. Первый — затянутый в узкий сюртук пожилой господин с военной выправкой, обладатель бородки, которая при Наполеоне III именовалась имперской, — вошел и остановился у порога. И тут все поднялись с мест, чтобы приветствовать второго незнакомца, которого Рауль без колебаний определил как долгожданного автора анонимного письма и которого барон представил как Боманьяна.

Хотя он единственный из присутствующих не обладал ни титулом, ни приставкой «де» перед фамилией, все обращались к нему как к вождю, с рвением, соответствующим его повелительным манерам и властному взгляду. Бритое лицо, впалые щеки, выразительные черные глаза, горящие огнем, какая-то суровость и даже аскетичность в манерах и одежде — все наводило на мысль о его церковном сане.

Он попросил присутствующих сесть, принес извинения от имени своего друга графа де Бри, который не смог приехать, и повернулся к спутнику, представив его так:

— Принц Аркольский... вам наверняка известно, что принц Аркольский — один из нас, но по воле случая он отсутствовал на наших собраниях и действовал издалека — впрочем, весьма удачно. Сегодня нам непременно понадобится его свидетельство, потому что принц в тысяча восемьсот семидесятом году дважды столкнулся с дьявольским созданием, столь для нас опасным.

Рауль мгновенно совершил в уме кое-какие подсчеты и испытал некоторое разочарование: «дьявольскому созданию», должно быть, перевалило за пятьдесят, раз его встречи с принцем Аркольским произошли двадцать четыре года назад.

Принц занял свое место среди гостей; Боманьян тем временем отвел Годфруа д'Этига в сторону. Барон передал ему конверт, содержащий, по-видимому, то самое компрометирующее письмо. После этого между ними произошел тихий, но очень

пылкий разговор, который Боманьян прервал властным энергичным жестом.

«А этот господин неуступчив, — подумал Рауль. — Вынесение приговора будет чистой формальностью. Мертвый враг не опасен. В скором времени надо ждать... утопленницу, так как, похоже, решение уже принято».

Боманьян прошел в последний ряд, но прежде, чем сесть, объявил:

— Друзья мои, все вы знаете, как важна для нас эта минута. Объединившись, мы пришли к полному согласию относительно той прекрасной цели, которой хотим достичь, и приступили к выполнению важных задач. Мы справедливо считаем, что интересы нашей страны, нашей партии, нашей веры — я не отделяю одно от другого — зависят от успеха наших начинаний. Однако с недавнего времени эти начинания наталкиваются на дерзость и непримиримую враждебность одной женщины, коя, обладая некоторыми сведениями, начала самостоятельные поиски секретного места, к нахождению которого мы с вами близки как никогда. Если она опередит нас, все наши усилия пойдут прахом. Она или мы — выбора нет. Укрепим же себя горячей надеждой, что битва окончится нашей победой.

Боманьян сел и, упершись руками в сиденье, согнулся, став вполовину ниже, словно не хотел, чтобы его видели.

Минуты шли. Мужчины, собравшиеся здесь ради дела, которое и должно было послужить темой для обсуждения, хранили молчание, ибо их внимание привлекли отдаленные звуки, доносившиеся, судя по всему, из деревни. Мысль о захвате в плен некоей женщины полностью завладела их умами. Им не терпелось увидеть свою противницу. Барон д'Этиг предостерегающе поднял палец: все услышали приглушенное цоканье лошадиных копыт.

— Это мой кабриолет, — сказал барон.

Но вез ли он врага?

Барон направился к двери. В саду, как обычно, никого не было, вся прислуга находилась в парадном дворе замка.

Шум приближался. Экипаж съехал с дороги и теперь пересекал поле. Через минуту он вкатил в ворота.

Кучер махнул барону, и тот воскликнул:

— Победа! Она у нас в руках.

Кабриолет остановился. Д'Ормон быстро спрыгнул с козел. Ру д'Эстье, распахнув дверцу, выскочил наружу. С помощью барона они вытащили из экипажа женщину со связанными руками и ногами, голова которой была обмотана газовым шарфом, и перенесли ее на церковную скамью, стоявшую посреди зала.

— Все прошло без сучка без задоринки, — рассказал д'Ормон. — Выйдя из поезда, она сразу села в кабриолет. В Катр-Шеман мы схватили ее так быстро, что она и ахнуть не успела.

— Снимите шарф! — приказал барон. — И предоставим ей свободу движений.

Он самолично освободил от пут ее руки и ноги.

Д'Ормон снял с головы женщины шарф.

Среди присутствующих раздались крики изумления. Рауль, отлично видевший пленницу с высоты своего наблюдательно-го пункта, был потрясен не меньше других: его взору предстала женщина во всем великолепии молодости и красоты.

Но тут на фоне общего гомона громко прозвучал чей-то возглас. Принц Аркольский с искаженным лицом и широко открытыми глазами шагнул вперед, изумленно бормоча:

— Это она... она... я узнаю ее... Ах! Однако же это чудовищно!

— Что такое? — спросил барон. — Что в этом чудовищного? Объяснитесь!

И принц Аркольский произнес странную фразу:

— Она такая же, как и двадцать четыре года назад!

Женщина сидела прямо, сжав кулаки на коленях. Шляпа, должно быть, упала во время нападения; ее густые растрепавшиеся волосы, скрепленные золотым гребешком, тяжелой массой спускались с затылка, а два бандо рыжевато-го цвета, разделенные надо лбом пробором, волнами лежали на висках.

Лицо ее отличалось удивительной красотой благодаря редкой чистоте линий; на нем, несмотря на то что женщине с трудом удавалось прятать страх, блуждала легкая улыбка. Изящный подбородок, чуть выступающие скулы, потупленный взгляд, тяжелые веки — весь ее облик вызывал в памяти «мадонн» Леонардо да Винчи или, скорее, Бернардино Луини. Их красота кроется в улыбке, которую мы не видим, но о которой догадываемся, — она и очаровывает нас, и тревожит. Одетая красавица была очень просто: под дорожной накидкой, которую она сбросила,

оказалось серое шерстяное платье, подчеркивавшее ее изящные плечи и талию.

«Проклятье! — подумал Рауль, не отрывая от нее взгляда. — Это дьявольское создание выглядит воплощением невинности! И они собрались вдвоем или вдесятером, чтобы ее победить?»

Женщина внимательно наблюдала за теми, кто ее окружал, — за бароном и его друзьями — и пыталась различить остальных, скрывавшихся в полумраке.

Наконец она произнесла:

— Что вы от меня хотите? Я никого из вас не знаю. Почему меня сюда привезли?

— Вы наш враг, — объявил Годфруа д'Этиг.

Она покачала головой:

— Ваш враг? Здесь какая-то путаница. Вы уверены, что не ошиблись? Мое имя — Пеллегрини.

— Вы не мадам Пеллегрини.

— Уверю вас...

— Нет, — повторил барон, повысив голос.

И добавил фразу, столь же несуразную, что и фраза принца Аркольского:

— Пеллегрини — это одно из имен, под которым скрывался в восемнадцатом веке человек, дочерью которого вы себя называете.

Она молчала, словно бы пытаясь осознать всю абсурдность этого утверждения. Затем спросила:

— Как же, по-вашему, меня зовут?

— Жозефина Бальзамо, графиня Калиостро.

